

Пермистика: диалекты и история пермских языков. Сборник статей. Сыктывкар 1992. 175 с.

Рецензируемый сборник содержит в основном материалы III зонального симпозиума по пермским языкам, который проходил в марте 1990 г. в Сыктывкаре. По установившейся традиции каждый симпозиум посвящается ученому, внесшему заметный вклад в пермистику: третий был посвящен 100-летию со дня рождения Д. В. Бурбиха. Было заслушано 37 докладов и сообщений, сборник включает 31 доклад, причем среди них есть и незначительные на симпозиуме. Некоторые докладчики представили для печати другие тексты.

Открывает сборник работа Е. А. Айбабиной (Сыктывкар) «Русские заимствования как источник омонимии в коми языке», в которой рассматриваются омонимические оппозиции, возникшие в результате контактирования русского и коми языков, например, *бас* 'украшение' и 'самый низкий мужской голос'. О. П. Аксенова (Кудымкар) в статье «Микротопонимия Нижней Иньвы» дает морфологический и семантический анализ коми-пермяцких географических названий. А. А. Алашеева (Ижевск, «Пространственные падежи северноудмуртского наречия (на материале верхнечепецкого говора)») описывает падежную систему в удмуртских диалектах, где количество падежей доходит до 21. В верхнечепецком говоре вместо некоторых пространственных падежей употребляются послеложные конструкции. Статья З. П. Ануфриевой (Сыктывкар) «Номинация домашних животных в Припечорье» посвящена мотивации зоонимов. Животные получают свои клички по масти, индивидуальным внешним признакам, по эмоциональному отношению к ним человека, по особенностям роста, возраста и т.д.

Р. М. Баталова (Москва) пишет «О роли ударения в развитии новых значений слов (на материале пермских языков)». Независимость ударения с определенным слогом служит для различения слов или форм, состоящих из одинаковых фонем: *шы́дӧс* 'много супа' и *шыдӧ́с* 'крупа'. У прилагательных ударение является определителем качества, у глаголов — некоторых форм и т.д. Явление заслуживает более пристального внимания исследователей. Статья Л. М. Без-

носиковой (Сыктывкар) «О двуязычном словаре антонимов коми языка (некоторые проблемы его подготовки)» свою актуальность уже утратила. Двуязычный «Словарь антонимов коми языка» вышел в 1992 г. в Сыктывкаре.

Б. Ш. Загуляева (Ижевск) в работе «Названия женских украшений в удмуртских диалектах» рассматривает лишь наименования металлических ювелирных украшений. Их немного, более десяти. В основном для большинства названий украшений используются лексические средства удмуртского языка.

Б. И. Каракулов (Глазов) рассказывает о «Лингвистической экспедиции Д. В. Бурбиха к удмуртам и проблеме единого удмуртского литературного языка». Удмуртская лингвистическая экспедиция 1929 г. проделала большую работу по сбору диалектного материала, однако в силу разных причин ценные материалы не были обработаны и изданы, что отрицательно отразилось на процессе развития удмуртского литературного языка. Анализ небольшой группы существенных содержит статья Л. Л. Карповой (Ижевск) «Русские именные лексические заимствования в среднечепецких говорах». В статье В. К. Кельмакова (Ижевск) «У истоков удмуртской филологии» рассматриваются фольклорные и письменные источники по удмуртскому языку XVIII века. Наибольшее распространение в то время получила лексикография (списки слов и словари), появились первые грамматики (1775, 1786 гг.). Л. Е. Кириллова (Ижевск) в работе «Топонимизация названий деревьев в удмуртском языке» отмечает, что одни названия указывают на произрастание, количество того или иного дерева в данной местности, в других отражены различные события, связанные с этими деревьями. Из исследованных 95 названий деревьев больше всего названий с лексемой *кыз* 'ель' (50), затем идут *пужым* 'сосна' (14), *бэризь* 'липа' (11), *кысьпу* 'береза' (8), *тыпы* 'дуб' (5). И. А. Коткова (Ижевск) выделила следующие «Грамматические значения глаголов возвратного залога в удмуртском языке»: собственно-возвратное, взаимно-возвратное, общевозвратное, безобъектное, возвратно-занятийное, страдательно-во-

звратное. В статье «О восприятии вопросительных предложений родного языка (синтактико-просодический анализ)» Т. А. Краснова (Ижевск) подвела итоги эксперимента по восприятию студентами-удмуртами трех групп вопросительных предложений — нейтральных, формально-вопросительных и модально-эмоциональных. Статья Р. А. Кузнецовой (Ижевск) «О некоторых особенностях обучения удмуртскому языку детей не-удмуртов в дошкольных учреждениях» обобщает опыт обучения удмуртскому языку в одном из детских садов Ижевска.

Г. Н. Лесникова (Ижевск) в работе «Удмуртские фразеологизмы с компонентами *ки*, *йыр*» дает семантический и структурно-грамматический анализ соматических фразеологизмов только с компонентами *ки* 'рука' и *йыр* 'голова'. Отдельные фразеологизмы с названными компонентами встречаются в коми, марийском и других финно-угорских языках, основные значения их совпадают, что свидетельствует об общих социально-экономических условиях жизни родственных народов. В статье «Коми лексические заимствования в севернорусских говорах (на материале русских говоров Коми Республики)» А. Д. Ли (Сыктывкар) подробно анализирует два глагола — *пазгать* 'издавать сильный шум, треск; резать на куски, части' < коми *пазыны* 'треснуть, сильно ударить; разбить вдребезги' и *сымать*, *сымать*, *сымать* 'соображать, понимать, размышлять' < коми *сым* 'нрав, характер, поведение, умение, толк'. Они встречаются в коми-русских селах Летка и Межог. А. С. Лобанова (Москва, «К вопросу о трансформации коми-пермяцкого суффикса множественного числа») на материале кочевского диалекта рассматривает постепенное изменение суффикса множественного числа *-эз* > *-эз°* > *-э*. В работе «Изобразительные конструкции в коми языке» В. М. Лудыкова (Сыктывкар) исследует широко распространенные колоративные конструкции, состоящие из изобразительного или подражательного и основного глаголов, например, *шалсыны-мунны* 'идти быстро, стремительно'. Оба глагола употребляются в одной и той же форме, представляют собой смысловое и интонационное единство, образуют синтаксическое целое — ослоненное простое глагольное сказуемое.

Статья В. А. Ляшева и О. А. Юдиной (Сыктывкар) «Дорö фонетической пасйö-

дьяс» — единственная написана на коми языке. В ней рассматриваются взгляды Д. В. Бубриха на фонетику коми языка и они сопоставляются с взглядами авторов предшествующих грамматик В. И. Лыткина и И. И. Майшева.

Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, «Общепермские тенденции в развитии лексики удмуртского и коми языков») описывает некоторые способы образования новых слов в удмуртском и коми языках, рассматривает заимствования из русского и тюркских языков.

Т. И. Прокушева (Сыктывкар) в статье «К вопросу об условиях употребления лично-притяжательных суффиксов в коми языке» приводит семь случаев реализации предметной принадлежности с помощью лично-притяжательных суффиксов.

Статья А. Н. Ракина (Сыктывкар) «Остеонимическая лексика коми языка (лексикографический аспект исследования)» посвящена названиям костей тела человека.

Н. А. Сергеева (Ижевск, «Сложные формы прошедшего времени с компонентом *вал*, *вылэм* в публикациях Ю. Вихманна») приводит количество употреблений и процентный состав аналитических форм прошедших времен в текстах Ю. Вихманна «*Wotjakische Sprachproben*» (1893) и «*Wotjakische Chrestomathie mit Glossar*» (1901). С. В. Соколов (Ижевск, «К этимологии пермского *кеч* ~ *коч* 'коза, заяц'») дает новое объяснение этому слову. Не останавливаясь на предположениях исследователей о чувашском происхождении этой лексической единицы, автор считает *кеч* ~ *коч* ониматопэтическим словом, возникшим еще в период пермской языковой общности. В. В. Соловьев (Сыктывкар) в статье «Русское влияние на систему терминов родства в диалектах коми языка» показывает, что наибольшее влияние русского языка испытали коми диалекты (нижневычегодский, вымский и среднесольский), на территории распространения которых проходила активная миссионерская деятельность Стефана Пермского и его последователей.

Г. И. Тираспольский (Сыктывкар) в работе «Русские, немецкие и коми послелоги в сопоставительном освещении» обращает внимание на русские и немецкие предлоги, которые употребляются в постпозиции. Эту незначительную по объему группу не-

продуктивных слов автор сравнивает с коми послелогоми, которые сильно преобладают в количественном отношении среди служебных слов. Статья нижеподписавшего озаглавлена «О происхождении одной группы терминов родства в коми языке».

В статье Г. А. Ушакова (Ижевск) «Текстообразующие функции наречий удмуртского языка» указывается на семантическое и стилистическое богатство наречий, их высокую коммуникативную активность, участие в формировании всех конститутивных атрибутов речи.

В статье «Система глагола в грамматике Д. В. Бубриха» Е. А. Цыпанов (Сыктывкар) пишет, что в «Грамматике литературного коми языка» (1949) наиболее полно описана морфология коми глагола, выделены группы возвратных и каузативных глаголов, видовые их классы. В грамматике описаны шесть формантов причастий и 34

форманта деепричастных форм. Кстати, в последующих учебниках и учебных пособиях эти формы отражены очень скудно.

А. Г. Шкляев (Ижевск, «Динамика использования диалектизмов в поэтическом творчестве Кузубая Герда») рассмотрел некоторые диалектизмы и неологизмы в поэтике К. Герда.

Завершает сборник статья А. Ф. Шутова «Постпозитивные союзы в сложноподчиненных предложениях удмуртского языка», в которой утверждается, что на фоне родственных языков удмуртский выделяется богатством постпозитивных союзов, возникновение придаточных предложений с которыми обусловлено синтаксическим строем удмуртского языка.

Книга в целом содержательна и полезна для всех, кто интересуется пермскими языками.

АДОЛФ ТУРКИН (Таллинн)

Kersti B o i k o, Baltijas jūras somu ģeogrāfiskie apelaivi un to relikti Latvijas vietvārdos. Disertācija doktora grāda iegūšanai, Rīga 1993. 196 S.

Am 2. November 1993 hat Kersti Boiko an der Universität zu Riga ihre Doktorarbeit verteidigt. Diese Dissertation opionierten Prof. Dr. habil. Marta Rudzite von der lettischen Universität, Dr. Ojārs Bušs vom Institut für lettische Sprache der Lettischen Akademie der Wissenschaften sowie der Unterzeichnete.

Die vorgelegte Forschung von K. Boiko über ostseefinnische geographische Appellative und ihre Relikte in lettischen Ortsnamen behandelt ein Thema, das hilft, Licht in die ethnische Geschichte der ostseefinnischen Stämme zu bringen und ist deshalb auch für die Finnougristik hoch interessant. Hervorgehoben werden sollte, daß erstmalig in Riga eine in vollem Umfang zum Bereich der Finnougristik gehörende sprachwissenschaftliche Arbeit verteidigt wurde, und schon deshalb verdient dieses wissenschaftliche Ereignis unsere besondere Aufmerksamkeit.

Mit ihrer Untersuchung verfolgt K. Boiko das Ziel: 1. neue Ortsnamenetymologien vorzulegen; 2. bereits vorhandene zu syste-

matisieren und 3. Verbreitungsgebiete ostseefinnischer geographischer Landschaftsnamen in Lettland festzustellen und Beziehungen der in der Arbeit analysierten Ortsnamen mit estnischen Dialekten aufzudecken. Die gesteckten Ziele wurden erreicht und in Wirklichkeit sogar übertroffen, denn die Autorin hat ernsthaft einzubeziehende Korrekturen im Hinblick auf die einstigen Siedlungsgebiete und mögliche Wanderungen der Ostseefinnen (Liven und Esten) dargestellt.

Die Dissertation besteht aus folgenden Teilen: Einleitung, Ostseefinnen in Lettland, Überblick über die ostseefinnischen Landschaftswörter und ihre Spuren in lettischen Ortsnamen, Analyse des toponymischen Materials, Abkürzungsverzeichnis der benutzten Literatur und Quellen, andere Verzeichnisse der Abkürzungen (Sprachen, Dialekte, vor allem Bezeichnungen estnischer Dialekte), Verzeichnis von Namen, Appellativen und Suffixen (Affixen).

In der Einleitung gibt die Verfasserin die Quellen an, denen das zu analysierende